

Владивостокскія ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць (1-го и 15-го числа).

Присланныя для напечатанія рукописи, по усмотрѣнію Редакціи, подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ; авторы, несогласные съ этимъ, должны дѣлать оговорку предъ заглавіемъ рукописи.

Рукописи, испривіятыя для печати, возвращаются авторамъ или лично, или по почтѣ за ихъ счетъ.

Рукописи, неостребованныя въ теченіе года, уничтожаются. Гонорара не существуетъ.

№ 2.

Годъ изданія

VIII.

Подписная плата 6 р. 50 к. въ годъ, съ доставкой и пересылкой. Подписка на иныхъ условіяхъ не принимается.

Частныя объявленія печатаются по 30 коп. за строку пети въ концѣ официальной и впереди неофициальной части и по 15 к. за строку пети за позаді текста.

За объявленія свыше трехъ разъ плата по соглашенію.

Адресъ Редакціи: г. Владивостокъ, Успенская ул. № 7.

15 января 1910 года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Извѣстія и распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по представленію Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ на награжденіе медалями съ надписью «за усердіе» къ 6-му декабря 1909 года за заслуги по духовному вѣдомству по Владивостокской епархіи: золотой для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ церковнаго старосту Владивостокскаго Каѳедрального Собора *Василія Жарикова*; таковой же серебряной на Владимірской лентѣ церковнаго старосту Владивостокской Покровской церкви *Тимофея Гусакова* и серебряной для ношенія на груди на Станиславской лентѣ—церковнаго старосту Тигильской на Камчаткѣ церкви *Василія Косымина*.

Высочайшій приказъ.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 19 октября 1909 года за № 72, произведенъ за выслугу лѣтъ въ чинъ коллежскаго регистратора и. д. регистратора Духовной Консисторіи Семень *Пляскинъ*, со старшинствомъ съ 30 мая 1909 года.

Награжденія.

Его Высокопреосвященствомъ награждены за усердную и полезную службу церкви Божіей:

Священникъ Покровской церкви Александръ *Фатуевъ*—скуфьею—24 ноября 1909 года.

Священникъ Платоно-Александровской церкви Іоаннъ *Портяннинъ*—скуфьею—26 ноября 1909 года.

Архипастырское благословеніе.

Резолюціями Его Высокопреосвященства преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею грамотъ:

отъ 9 декабря 1909 г. № 3839, крестьянину с. Пущловки Андрею *Кванъ-пери-Мунъ*;

отъ 9 декабря № 3832, дорожному мастеру ст. Мулинъ, К. В. ж. д. Евсевию *Кравченко*, подрядчику Лонгину *Черкасову* и Михаилу *Николаеву*;

отъ 9 декабря № 3849,—подрядчику по постройкѣ Спваковской церкви Николаю *Парину*;

отъ 18 декабря № 4002—строителю Сосновской церкви Василію *Салогубъ*, и безъ выдачи грамоты—кр-ну Діомиду *Калашиникову* и кр-ну Іакову *Прядка*.

Назначенія, перемѣшенія и увольненія.

И. д. казначея Консисторіи, коллежскій регистраторъ Алексѣй *Поповъ*, согласно прошенія, по протоколу Конси-

сторін, отъ 15 декабря 1909 г. за № 7/804, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, уволенъ отъ должности казначея Консисторіи и вовсе отъ службы по вѣдомству православнаго исповѣданія, съ 10 декабря м. г.; на должность казначея назначенъ канцелярскій чиновникъ Консисторіи губернской секретарь Алексѣй *Вегенеръ* съ 1-го января с. г.

Резолюціями Его Высокопреосвященства: отъ 9 декабря 1909 г. № 3821, священникъ Новицкой церкви Дмитрій *Никольскій*, согласно прошенія, перемѣщенъ къ церкви села Авдѣевки, съ 1 декабря 1909 года;

отъ 10 декабря № 3860, церковный староста Алексѣевского поселка Алексѣй *Козелихинъ*, согласно просьбы, уволенъ отъ должности церковнаго старосты;

отъ 11 декабря № 3909, псаломщикъ Гижигинской церкви Макарій *Верещанинъ*, согласно прошенія, уволенъ отъ занимаемой должности съ 1 января 1910 г.;

отъ 11 декабря № 3910, псаломщикъ Коряжской Походной Миссіи Николай *Сновидовъ*, согласно прошенія, перемѣщенъ къ Гижигинской Спасской церкви, съ 1 января 1910 года;

отъ 11 декабря № 3911, мѣщанинъ Петръ *Барановъ*, согласно прошенія, назначенъ и. д. псаломщика при Коряжской Походной Миссіи, съ 1 января 1910 г.;

отъ 14 декабря № 3945, священникъ Ключевской церкви Михаилъ *Ерохинъ*, согласно прошенія, освобожденъ отъ командировки въ селеніе Павловку для завѣдыванія Павловской церковью;

отъ 15 декабря № 3966, сверхштатный священникъ Харбинскаго Николаевского Собора Михаилъ *Тригубовъ*, согласно прошенія, назначенъ на должность третьяго священника при означенномъ соборѣ, съ 1 января 1910 г.;

отъ 21 декабря № 4059, псаломщикъ Поповской церкви Сумеонъ *Астафьевъ*, согласно прошенія, переведенъ къ церкви села Лутковки, съ 1 января 1910 г.;

отъ 30 декабря № 4116, священникъ Александровской церкви Александръ *Бестеревъ*, согласно прошенія переведенъ къ церкви с. Комаровки, съ 1 января 1910 г.

Рукоположеніе.

30 ноября 1910 г. псаломщикъ Новонѣжинской церкви Лука *Шматовъ* рукоположенъ въ санъ священника съ назначеніемъ къ церкви села Ново-Хотуничи.

6 декабря 1909 г. монахъ Уссурийскаго Св. Троицкаго монастыря *Паросій* рукоположенъ въ санъ іеродіакона;

6 декабря 1909 г. потомственный почетный гражданинъ Владиміръ *Гордіевичъ*—рукоположенъ въ санъ священника, съ причисленіемъ къ Софійской, г. Харбинъ. Пристань церкви сверхъ штата;

13 декабря 1909 г. іеродіаконъ Архіерейскаго Дома *Іоанникій*—рукоположенъ въ санъ іеромонаха;

20 декабря 1909 г. заштатный діаконъ Волынской епархіи Ананій *Козлицкій*—рукоположенъ въ санъ священника съ причисленіемъ къ Зеньковской церкви сверхъ штата;

25 декабря 1909 г. учитель Дѣвицынской церковно-приходской школы Леонтій *Дулинъ*—рукоположенъ въ санъ діакона съ оставленіемъ на учительской вакансіи

Утвержденіе въ должностяхъ.

Резолюціями Его Высокопреосвященства утверждены въ должностяхъ:

отъ 9 декабря 1909 г. № 3829, Филиппъ *Костромицъ* церковнымъ старостой церкви Харбинскихъ Коммерческихъ Училищъ;

отъ 11 декабря № 3905,—кр-нъ Антоній *Бондарчукъ* церковнымъ старостой къ Маргаритовской церкви;

отъ 14 декабря № 3946, мѣщ-нъ Іустинъ *Кравчуковскій* церков. стар. къ Цицикарской ж.-д. церкви;

отъ 14 декабря № 3949, кр-нъ Антоній *Подзерей* церковнымъ старостой къ церкви с. Моленнаго-Мыса;

отъ 15 декабря № 3961, казакъ Иванъ *Лихачевъ*—предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства при Нестеровской церкви;

отъ 6 дек. № 3975, кр-нъ Илія *Горбоносъ*—церк. стар. къ Меркушовской церкви;

отъ 18 декабря 1909 г. № 4001, кр-нъ Василій *Конахъ*—церковнымъ старостой къ Воскресенской церкви и кр-нъ *Василій Нестеренко* Предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства при той же церкви.

Освященіе церквей.

Его Высокопреосвященствомъ освящены вновь сооруженныя церкви въ слѣдующихъ селеніяхъ:

22 ноября 1909 г. въ селеніи Вассіановкѣ. Монастырищенскаго прихода, въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

24 ноября 1909 г. въ с. Меркушевкѣ. Димитріевскаго прихода, во имя Св. Архистратига Михаила и прочихъ силъ Безплотныхъ.

26 ноября 1909 г. въ с. Сиваковкѣ, Алтыновскаго прихода, во имя Св. Василия Великаго.

30 ноября 1909 г. въ с. Еленовкѣ, Успенскаго прихода, въ честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

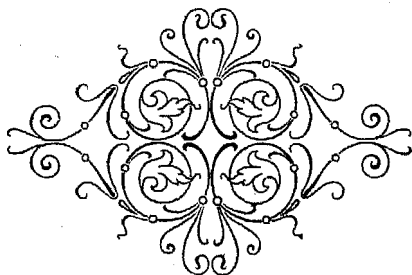
1-го декабря 1909 г. въ с. Преображенкѣ, Успенскаго прихода, въ честь Преображенія Господня.

3 декабря 1909 г. на лѣсной заимкѣ Св.-Троицкаго Николаевскаго монастыря (въ Кедровникѣ) во имя святителя и Чудотворца Николая.

4 декабря 1909 г. въ с. Крыловѣ, въ честь Вознесенія Господня.

Причисленіе.

Опредѣленіемъ Консенсторіи, отъ 11 декабря 1909 г. за № 10491, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, крестьяне селенія Лукашевки, согласно просьбы, причислены приходомъ къ Покровской церкви.

Владивостокскія

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ.

15 января → (№ 2.) ← 1910 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

С т и л ь в е щ е й.

Каждая вещь и всякій порядокъ вещей, группа вещей должна имѣть свой стиль. Что такое «стиль»? Законченность вещи—въ томъ особомъ законѣ существованія, по которому она существуетъ, въ той особенной цѣли, особомъ назначеніи, ради котораго она существуетъ. «Стильные вещи» суть довершенныя, додѣланныя, оконченныя вещи, до извѣстной степени остановившіяся въ своей «недвижности» (художественный терминъ Гоголя) и отъ которыхъ движеніе не ожидается и оно не нужно. Зачѣмъ же двигаться, когда все *кончено*? Стиль есть душа вещей; есть идеаль въ каждой порознь вещи, но не навязанный ей извнѣ а вышедшій изъ ея натуры, изъ ея собственной породы.

„Стиль“ имѣютъ вещи, люди, сословія, классы, профессіи; какъ имѣютъ его зданія и стихи. Это *causa formalis* Аристотеля, какъ извѣстно, сливающаяся у него съ *causa finalis*: то-есть «форма» и вмѣстѣ «цѣль» всякой вещи.

И вотъ вчера, 4 декабря, въ Варваринъ день, я разговорился... о *стиль* духовенства. Два слова относительно этого дня: въ Петербургѣ нѣтъ *ни одной церкви* великомученицы Варвары, и тысячи именинницъ этого дня, что называется «не имѣютъ гдѣ голову приклонить», т. е. куда пойти и отстоять литургію въ день своего ангела, съ

молебномъ, акаѳистомъ и всѣмъ прочимъ, что нужно. Иногда на удачу, на угадъ ѣздить изъ церкви въ церковь, ища, нѣтъ ли гдѣ *придѣла* въ честь этой распространенной святой И, постранствовавъ, возвращаются домой, ничего не найдя. Это, что называется, „не порядокъ“. Въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, ожидается быть церквамъ по-именно главнѣйшимъ русскимъ святымъ: дабы каждому имени было гдѣ помолиться «своему святому». Для всѣхъ Варваръ Петербурга замѣчу, что *придѣлъ* Варвары великомученицы находится въ подворьѣ-монастыря имени Александра Свирскаго, на Разъѣзжей ул., какъ разъ противъ разваливащагося дома Залемана и каменнаго рынка этой части города.

Разговорился о духовенствѣ. Защищаютъ, нападаютъ... Духовенство стало давно «предметомъ пререканія» въ нашемъ обществѣ. И вотъ на «пререканіяхъ» разговоръ и столкнулся.

— Всѣ нападаютъ на духовенство. Преимущественно тѣ, которые его не знаютъ, которые въ церковь не ходятъ. И вотъ требуютъ сокращенія праздниковъ: никогда *этого* (т. е. сокращенія) не будетъ! Духовенство мается, мается, работаетъ-работаетъ: какая ему награда, кромѣ всеобщаго порицанія? А отчего: бѣдно оно. Пусть назначать жалованье: и всѣ его почтутъ. Будьте увѣрены, всѣ почтутъ и посадятъ съ собою за столъ, позовутъ къ себѣ въ гости, какъ только самъ священникъ выйдетъ изъ бѣдности и тоже будетъ въ состояніи позвать къ себѣ и посадить не за пустой столъ. Мы презираемы, потому, что мы бѣдны. И презираемы дураками.

Не этими именно словами, но клоня въ эту сторону и излагая эти именно мысли, говорила образованная, затруднившаяся матушка, жена загрудившагося и очень честнаго священника. Меня удивило, что говорить именно о деньгахъ человѣкъ, лично не корыстный: явно говорилось о сословіи, въ защиту сословія. Общая «панацея».

— Поднимите благосостояніе, и всё будутъ насъ уважать.

— Оставьте вы слѣпы —возражалъ я. Архіереи богаты, но уваженіе къ нимъ тоже невелико. Вы все о деньгахъ, и это ужасно характерно для сословія. Поймите же вы, что уваженіе къ духовенству падаетъ отъ его бездушія, отъ его безучастности къ людямъ и жизни. отъ равнодушія, холодности. Какъ столбы: стоятъ —и больше ничего. У всѣхъ и явилась мысль толкнуть ихъ: такъ какъ они не „указываютъ дорогу“, по непросвѣщенности, а мѣшаютъ въ дорогѣ по той же причинѣ. Просвѣщеніе и гуманизмъ а не деньги —вотъ средство къ поднятію авторитета.

Не слушаетъ. Дошло до криковъ. Тщетно именинница просила остановиться; все унеслось въ вихрѣ спора. И вотъ во время его мелькнуло слово у спорщицы, отъ котораго я не могъ заснуть ночь.

— Для меня, если священникъ носитъ бѣлые воротнички —тотъ уже не священникъ. Нѣтъ, зачѣмъ же ломаться: захотѣлъ воротничковъ — снимай рясу, какъ Г. С. Петровъ и другіе.

Сема она окончила курсъ въ одномъ изъ лучшихъ институтовъ, —можетъ говорить, хотя никогда не говоритъ, по французски, умна, отчетлива и безукоризненно честна. Но „матушка“ залпа въ ней все —дворянство, образованіе, и сохранился только ‚женскій умъ‘, безъ логики. съ пыломъ. безъ повизны и оригинальности въ мысляхъ, но фанатически выражающій общій говоръ, крикъ или требованіе сословія.

Последнее-то и было важно! Говорило ‚сословіе‘. духъ его.

И вдругъ это:

— Бѣлые воротнички!

Какъ требованіе ‚последняго чекана‘. какъ ‚завершеніе стіля‘: нѣтъ его —вонъ изъ сословія!

Это не такъ пусто и отнюдь не случайно и мичутно: въ знаменитой „Запискѣ объ исторіи ученаго монашества на Руси“ покойнаго архіеп. Никанора одесскаго тоже есть слова о „бѣлыхъ воротничкахъ“, которые въ его время начало посить духовенство. Матушка конечно этого не вспомнила и. можетъ быть, не знаетъ. У нея самостоятельно и оригинально вырвался этотъ крикъ:

— Не надо бѣлыхъ воротничковъ!

Во мнѣ шевельнулся гольтеръ и я разсмѣялся:

— Послушайте: неужели Богъ можетъ имѣть участіе къ тому, носятъ или нѣтъ попы бѣлые воротнички? Чистое сердце, добрая жизнь—вотъ что нужно Богу.

— Да, да—сказала она, но безучастно.— „И добрая жизнь“. Но это было уже совершенно безстрастно. Между тѣмъ матушка, я хорошо знаю, была именно „добрѣйшей жизни“ человѣкъ, участливая къ людямъ, родившая одиннадцать человѣкъ дѣтей и отлично выросившая и воспитавшая тѣхъ изъ нихъ, которые не умерли въ младенчествѣ. Но мимо доброй жизни она прощла въ спорѣ молча, а бѣлые воротнички мучили ея душу, какъ начало разрушенія всего. Между тѣмъ, ни тѣни глупости въ ней не было, она была явно умна, хотя обыкновенной формѣ русскаго ума.

Здѣсь я попрошу всего вниманія читателя.

Страшно, важно, показательно, интересно, когда въ жизни, въ разговорѣ, въ книгѣ явное безуміе прорѣжетъ умный строй мыслей, или явный порокъ пересѣчетъ полосою добродѣтели. Знайте, тутъ центръ жизни, сѣдалище исторіи. Тутъ почилъ вѣкъ и смыслъ нхъ. Ибо *продолжать* говорить умно вѣдь такъ просто, но что-то поперхнулось; встала какая то упорка въ рѣчь, въ мысль. Откуда? Изъ вѣковъ. Изъ стлѣя вѣковъ...

Бѣлые воротнички. Что такое? Просто—смысла нѣтъ. Ну, какое дѣло Христу до бѣлыхъ воротничковъ: съ ними или безъ нихъ, придите ко Мнѣ? Вдругъ крикъ: „Съ

бѣлыми воротничками не смѣйте подходить къ Христу“. Не понимаю непониманіе еще болѣе увеличивается при мысли, что въ *золотыхъ* митрахъ, въ *парчевыхъ* ризахъ можно, т. е. съ *богатствомъ* вообще можно, только если достатокъ выраженъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и манжетахъ, то почему то нельзя подойти ко Христу, идти къ Богу, идти въ Царство небесное и утраивать, спасать души.

Но *почему??!*..

Просыпаясь ночью и продолжая думать, я понимаю, что и *самъ* я почему-то тоже не люблю и никогда не люблю священниковъ въ бѣлыхъ воротничкахъ и съ манжетами. Но почему же и я, „такой умный“? Непостижимо! Какъ не люблю, не уважаю и либеральныхъ священниковъ. *Самъ* либераль, а въ священникѣ этого не люблю. Читатель видитъ, что мы подошли къ цѣлому ряду загадокъ, который можно очертить словами—„стальные вещи“:

Священникъ долженъ быть „стилень“,—какъ мастеровой, воинъ, царь, гражданинъ, всѣ. „Стиль“ мастерового—кпучая работа, воинъ—храбрость, прямой станъ, честь; царя—достоинство, величіе; гражданина—свобода и „преуспѣяніе прогресса“. Но священника?..

Вдругъ вырывается: „бѣлые воротнички“, не нужно ихъ.

— То-есть чистаго бѣлья? смѣется въ васъ Вольтеръ.

Крикъ натуры, нервы, все выкрикиваетъ:

— Не знаю. Не понимаю. Но бѣлыхъ воротничковъ не надо.

Ловя себя въ „тайныхъ мысляхъ“, и вы тоже замѣчаете, что „бѣлыхъ воротничковъ“ не любите, какъ и „либеральнаго священника“.

Что такое?

Явно это *не душа* и до души не относится, и *не религія* и до религіи не относится.

Между тѣмъ—въ центрѣ религіи, какъ непремѣнная черта религіи.

Да что же это такое, наконецъ? Вѣдь тутъ прямо магія, волшебство, какъ „сила непонятныхъ вещей“. Почему вы не любите либеральнаго священника? *Какого же* вы священника любите?

Въ „тайныхъ мысляхъ“ ночью, я себѣ отвѣчалъ:

— Либеральный священникъ безвкусенъ и наконецъ отвратителенъ, какъ селедка, обмокнутая въ варенье. Смѣсь разныхъ вещей, разнородныхъ. Священники молились за русскій народъ во время монгольскаго ига, когда было не до либерализма. При Петрѣ, когда тоже было не до либерализма. Либерализмъ что то новое, а священникъ отъ древности. Онъ уже такъ выковался въ исторіи, такъ сложился его образъ, его духъ, его *стиль*, что „либеральное“ какъ-то въ немъ неумѣстно, не находитъ себѣ мѣста, нѣтъ ему уголка въ его душѣ и жизни. Все уже занято другимъ *и занято вѣка*—заботою о приходѣ, о смерти людей о жизни людей, о рожденіи людей, о крещеніи, о вѣнчаніи, о похоронахъ, объ исповѣданіи грѣшныхъ. Просто, для „либеральнаго“ не осталось уголка. Чтобы ему войти — нужно, чтобы въ священникѣ образовалась *пустота*, чтобы онъ изъ себя выбросилъ что-нибудь, на примѣръ заботу объ умирающихъ. Тогда „либерализмъ“ войдетъ въ это пустое мѣсто. Но это есть явное разрушеніе священника. Вотъ отчего священники не либеральны и къ нимъ это „не идетъ“. Какой же нуженъ священникъ? Боже, вѣдь вотъ къ какому вопросу насъ подвели „бѣлые воротнички“ матушки. Эти „безмысленные“ воротнички: когда я буду умирать, мнѣ хочется, чтобы въ комнату ко мнѣ вошелъ священникъ съ ясной, не смятенной и не потревоженной душой, съ полной вѣрой въ свое преданіе, въ свое, именно свое, это *ихнее священническое*, хотя мнѣ лично и чуждое. Когда я буду умирать, мнѣ не „мое“ нужно, „мое“ то именно мнѣ и нужно, ибо

„я“ умираю и все „мое“ со мною умираетъ: а нужно мнѣ „другое“, вотъ „его“ человѣческое, міровое. Ибо, какъ умирающій. *лично* я теперь безсиленъ и цѣпляюсь руками за что то большее *моего*. вотъ за „вѣру предковъ“ „вѣру народа“. Смерть—*отреченіе отъ себя*. И вотъ пусть войдетъ священникъ, уже пожилой, съ ясными глазами, чистой душой, съ добротою и участіемъ, но непременно спокойными безъ всякаго волненія, и скажетъ мнѣ слова утѣшенія и надежды на будущую вѣчную жизнь.

И, конечно. все это ужасно смутится, если я увижу на немъ бѣлые воротнички и манжеты, все такое „новенькое“ и „мое“!..

В. Розановъ.
„Б. В.“

Въ скорбные дни.

О, Матерь Пресвятая!

Къ Тебѣ взываю я,

Тебя я умоляю:

Услышь, услышь меня!

Ты всѣхъ скорбящихъ радость,

Помощница въ бѣдахъ,

Заступница въ напастяхъ.—

Тебѣ молюсь въ слезахъ:

Прости Ты надо мною

Свой дивный омофоръ,

Покрой своей рукою

Отъ всѣхъ моихъ враговъ!

Невидимая сила.

Меня гнететъ тоской;

Упалъ мой духъ унылый,

Сокрылся мой покой,

Печаль тяжелымъ камнемъ

Легла на грудь мою,

Спокойствія, отрады

Ни въ чемъ не нахожу:

Подъ гнетомъ скорби тщетной

Волѣнуешь душа,

Какъ тьмою безпросвѣтной,

Покрылася она:

То сердце, что горѣло

Огнемъ любви святой,

Теперь охолодѣло.

Полно тоскѣ нѣмой.

Со страхомъ и уныло

На путь свой я гляжу...

О, какъ же нерадиво

Я годы провожу!

Въ борьбѣ изнемогая.

Я одного боюсь,

Что Вожіяго рая

Навѣкъ, навѣкъ лишусь.

Къ Тебѣ зову Пречистой:

Вонми моеѣ мольбѣ

И будь моеѣ защитой

Въ невидимой борьбѣ!

Услышь мои стenanья,

Услышь мольбы мои,

Души моеѣ страданья.

Благая, утоли!

Е. Миргова.

Проводы новобранцевъ.

Давно шли толки о введеніи въ Приамурскомъ краѣ военной повинности, и вотъ въ минувшемъ 1909 году произошелъ первый наборъ. Въѣсть съ русскими идутъ на военную службу и корейцы. Приходилось слышать, что корейцы, вѣроятно, постараются какъ-бы то ни было уклониться отъ солдатчины. Зная настроеніе корей-

цевъ, я всегда утверждалъ противное и оказался больше, чѣмъ правъ. Стоновъ и воплей, какъ видѣлъ раньше на Русн, нѣтъ, молодежь глядитъ бодро, ничто не напоминаетъ словъ поэта:

„..какъ отпѣтаго парня въ городъ отведуть,
Бабы сохнуть съ горя этого,
Мужики въ кабакъ вдутъ...“

Жеребьевка кончена. 10 декабря рекрута явились къ воинскому начальнику.

Наканунъ корейскіе новобранцы селеній Пуциловки, Корсаковки, Кроуновки и Спнельникова, по приглашенію крупнаго никольскаго мясоторговца В. А. Мунъ, собрались въ его домъ Мунъ и другіе состоятельные корейцы задумали дать имъ прощальный обѣдъ.

По просьбѣ новобранцевъ я отслужилъ молебенъ.

Громадное удовольствіе доставило мнѣ это желаніе корейцевъ помолиться Богу предъ вступленіемъ на службу; не знаю, какъ было здѣсь, но на Русн я этого не видать. Что особенно важно, такъ это помолиться рѣшнли они сами, непосредственно, искренно, безъ всякаго внушенія и подсказа.

За обѣдомъ, послѣ госта за Государя Императора, хозяинъ дома прочелъ слѣдующую рѣчь: „М. Г.! въ 1868 году бывшую нашу родину—Корею постигло ужасное народное, стихійное бѣдствіе—голодь и наводненіе. Въ Корей жить было положительно невозможно, а потому наши дѣды и отцы переняли въ предѣлы Россіи, гдѣ были ласково приняты, и образовали въ Южно-Усс. краѣ корейскія селенія: Корсаковку, Кроуновку, Пуциловку и Спнельниково. Въ этихъ деревняхъ наши дѣды и отцы, а впослѣдствіи и мы сами занимались и занимаемся теперь своимъ мирнымъ, по преимуществу, земледѣльческимъ трудомъ и были охраняемы отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ войсками, набираемыми, по преимуществу, изъ Европейской Россіи. Въ 1895 году по воѣ

Русскаго Батюшки-Царя мы были приняты въ русское подданство, надѣлены землею и уравниены во всѣхъ правахъ наравнѣ съ русскими. Какъ-же намъ послѣ столькихъ великихъ милостей не благодарить Бога и Нашего родного Батюшку-Царя. Русскаго Самодержавнаго? Я, какъ обыватель г. Никольскъ-Уссурийскаго въ блгодарность Богу жертвую изъ своихъ благопріобрѣтённыхъ и честно нажитыхъ средствъ на нужды мѣстнаго собора 150 руб.

Въ благодарность же русскому правительству, пріютившему и обогрѣвшему насъ голодныхъ и холодныхъ, по выходѣ изъ Кореи, вы, молодое поколѣніе, наши братья, наша опора, наша гордость и величіе Россіи и наша охрана, призываетесь теперь, по волѣ нашего Русскаго Батюшки-Царя, на защиту своей родины. Мы очень счастливы и крѣпко должны дорожить тѣмъ, что находимся подъ опекой и охраной Нашего Русскаго Самодержавнаго Царя. Наши дѣды и отцы дожили здѣсь благополучно и счастливо до глубокой старости, я очень радъ тому рѣдкому обстоятельству, что недавно мнѣ пришлось отпраздновать золотую свадьбу моихъ почтенныхъ родителей, дожившихъ до глубокой старости и убѣленныхъ сѣдинами*). Я хорошо знаю, что вы, наши братья, охотно идете въ ряды войскъ нести царскую службу и тѣмъ исполняете свой долгъ предъ родиной и правительствомъ. Наши дѣды и отцы говорятъ, что и они готовы бы послужить въ рядахъ русскихъ войскъ, но тому препятствуетъ ихъ старческій возрастъ, а потому вы, наши братья, смѣло идите на призывающій васъ подвигъ: учитесь военному искусству, учитесь защищать родную землю отъ враговъ внѣшнихъ-иноплеменниковъ и внутреннихъ—бунтовщиковъ. Тяжелый подвигъ но и великая честь! Печально удаленіе отъ родины своей и своего дома, но за то близка будетъ вамъ вся земля русская, которую оберегать и защищать судилъ вамъ Го-

*) См. „Золотую свадьбу“, стр. 59.

сподь. Стѣной дружной, братской стѣной стройте за Вѣру Царя и Отечество!

На васъ съ отеческой любовью взираетъ Царь православный. Не посрамите же собой царскаго довѣрія, не обманывайте православнаго русскаго народа, который положился на вашу защиту! Я твердо увѣренъ, что Вы какъ грамотные люди скоро постигнете всю военную науку и маршировку; служба будетъ для васъ не мукой, а свѣтлымъ утѣщеніемъ и, вернувшись въ свое время опять къ домамъ своимъ, будете вы съ любовію и благодарностью рассказывать о военной службѣ всѣмъ намъ, а также своимъ дѣтямъ и внукамъ и будете учить ихъ любви къ родинѣ и послушанію Самодержавному Царю нашему. И такъ друзья и братья, служите вѣрно, не лицемѣрно, не слушайте никакихъ смутьяновъ. Богъ вамъ поможетъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, а весь нашъ русскій народъ пусть о вашихъ подвигахъ пѣсни поетъ и съ почетомъ о васъ вспоминаетъ Ура!

Рѣчь была покрыта долго несмолкавшимъ «Ура!» По просьбѣ присутствовавшихъ была послана телеграмма, за подписью протоіерея О. П. Мичурина бывшему генералъ-губернатору Н. И. Гродекову, довѣрявшему корейцамъ и заботившемуся о ихъ благосостояніи, съ просьбой повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества чувства безпредѣльной вѣрноподданнической преданности, что постараются оправдать службой въ рядахъ арміи.

Семейная простота торжества, искренность рѣчей и разговоровъ сильно понравились всѣмъ почетнымъ гостямъ, въ числѣ которыхъ были начальникъ уѣзда и его помощникъ.

При такомъ подъемѣ духа не страшатъ угрозы враговъ-сосѣдей, и свѣтлымъ кажется будущее нашей далекой окранны.

Изъ Камчатки.

Путешествіе къ корякамъ.

(Продолженіе).

Въ продолженіе долгой камчатской зимы, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ коряками, посѣщая ихъ острожки и юрты. Главные и многочленные острожки, посѣщенные мною, суть: 1) Парень, 2) Куель, 3) Тылкай, 4) Микино, 5) Шестаково, 6) Лываты, 7) Каменское, 8) Таловка, 9) Авѣково, 10) Иткана, 11) Мамечи и три острожка въ Тайганосѣ: 12) Евгядгима, 13—15) Паткигина и 16) Янга—всего 66 юртъ. Каждая юрта раздѣляется на 4 и 8 пологовъ, а въ каждомъ пологѣ живетъ семья корякъ. Изъ всѣхъ инородцевъ Камчатки самое пріятное и хорошее впечатлѣніе производятъ коряки.

Крупный рослый народъ, съ грубыми, черными, какъ смола, волосами, выбритыми на затылкѣ и на лбу и только окружающими голову въ видѣ длинной бахромы. Глаза они имѣютъ узкіе, подвижные и блестящіе. Народъ этотъ отличается любознательностью и смѣтливостью. Коряки въ оригинальныхъ своихъ мѣховыхъ костюмахъ, со своими еще болѣе оригинальными и мудренными юртами, входятъ въ которыя возможенъ только черезъ трубу,—окруженные стадами тысячей оленей или стадами собакъ возницъ въ снѣжной суровой пустынѣ, или занятые промысломъ звѣря и добычей китовъ, нерпъ и др. морскихъ животныхъ въ своихъ байдарахъ,—составляютъ красу всей Камчатки. Только путешествуя къ этимъ дикимъ инородцамъ—дѣтямъ природы и наблюдая ихъ жизнь, можно перечувствовать всю оригинальную поэтичность ея. Любовь къ своимъ единоплеменникамъ у корякъ поразительная. Всѣ они, несмотря на разсѣянность острожковъ по тундрѣ, живутъ между собою, какъ одна семья. Богатые стараются не допускать бѣдственной голодной жизни среди своихъ единовѣрцевъ, а корякскимъ сиротамъ даютъ

пріютъ состоятельные въ своихъ юртахъ. Среди корякъ распространено многоженство, но оно не разрушаетъ мира семейнаго: младшія молодыя жены охотно повинуются во всемъ мужу и первой старшей женѣ. каждая заботится о своихъ дѣтяхъ, приче́мъ заботу и воспитаніе корячками-матерями ихъ любимыхъ дѣтокъ тоже слѣдуетъ отмѣнить доброй материнской нѣжной чертой. Женщины корячки не любятъ сидѣть безъ дѣла: лѣтомъ онѣ помогаютъ мужчинамъ въ рыбныхъ промыслахъ и заготавливаютъ траву „ваю“, изъ коей руками ткнуть нитки, а затѣмъ дѣлаютъ невода. Зимой женщины работаютъ куклянки, торбаса, шотуры, чажи, алыки (упряжь для собакъ) приче́мъ вмѣсто нитокъ здѣсь употребляютъ оленьи жилы для шитья. Мужчины коряки лѣтомъ промышляютъ морского звѣря и рыбу, а зимою кочующіе добываютъ пушного звѣря, а осѣдлые занимаются извозомъ товаровъ и груза у мѣстныхъ торговцевъ — „камчадаловъ“.

Пища корякъ на нашъ взглядъ противная, а на ихъ вкусъ пріятная и сытная, а именно: нерпа, жиръ и мясо которой имѣетъ удушливый запахъ, и квашеная до гніенія въ земляныхъ ямахъ рыба, называемая „кислая“, отъ которой зловоніе еще удушливѣе нерпы, а самое почетное блюдо у корякъ „маняла“ -- это оленьи кишки съ экскрементами, смѣшанными съ кровію и нерпичьимъ жиромъ. Эта ужасная, зловонная бурда подается у корякъ на ихъ языческихъ праздникахъ и „гонгахъ на оленяхъ“, какъ почетное блюдо.

Коряки ѣдятъ мухоморы, послѣ которыхъ дурѣютъ, пьянѣютъ, приходятъ въ бѣшенный экстазъ, скачутъ, дико кричатъ, кружатся до изнеможенія; въ это время изорота идетъ шѣна и, какъ они рассказываютъ, бесѣдуютъ тогда со своимъ чернымъ богомъ-дьяволомъ.

Употребленіе мухоморовъ содѣйствуетъ усиленному выдѣленію почекъ, которое снова выпивается ими и вновь одуренію ихъ нѣтъ границъ.

Коряки любятъ пить спиртъ и разводятъ его водой, а за неимѣніемъ его, иногда случается. пьютъ и оделонъ. вымѣнивая его за пушнину у недобросовѣстныхъ торгашей камчалаловъ. Спиртъ, или какъ русскіе камчалалы его называютъ. „с п и р т я с к а“ очень дорого обходится корякамъ, которые за самое незначительное количество готовы отдать на большую сумму пушнины, спиртъ, этотъ ядъ. — общій любимый напитокъ на Камчаткѣ русскими и инородцами. Мухоморы, спиртъ и табакъ среди корякъ употребляютъ не только мужчины, но и женщины и дѣти.

Коряки очень любятъ блестящія стеклянныя бусы „к и л и л я“ — которыми украшаютъ свои мѣховые костюмы и прически. По жилищамъ корякъ, по ихъ пищѣ ясно видна ихъ нечистоплотность. Коряки никогда не умываются въ одной мѣховой одеждѣ они и работаютъ, и спятъ. Пищу коряки ѣдятъ изъ посуды предварительно вытеревъ ее подоломъ или грязной ровдугой. Въ юртахъ отъ постоянного костра дымъ и копотъ, куда ни прислонись всюду сажа пыль и грязь, а педикули кишатъ мириадами паразитовъ и инородцы ихъ не убиваютъ, а когда уже очень начинаютъ беспокоить только тогда сбрасываютъ съ себя на землю. Въ юртахъ я раздавалъ инородцамъ мыло и полотенца и убѣдительно просилъ ихъ мыться для ихъ же здоровья. Матери при мнѣ же мыли дѣтей, но нѣтъ возможности промыть ихъ закопченное и покрытое корою грязи тѣло. Благодаря нечистоплотности, среди здѣшнихъ инородцевъ развѣты и заразные ботѣзны. При поѣздкахъ я много встрѣчалъ инородцевъ сифилитиковъ съ изуродованными лицами и др членами тѣла, и отъ одного вида и зловонія я приходилъ въ ужасъ. Нельзя не пожалѣть, не выразить сочувствія этимъ гнилымъ беспомощнымъ страдальцамъ. Я, имѣя съ собою походную аптечку и руководство старался оказать несчастнымъ больнымъ посильную помощь, хотя бы въ видѣ очистки и промывки

засорившихся и загрязнившихся ранъ и снятій грязныхъ струцовъ. Самимъ больнымъ становится какъ то весело и легко, когда очистишь ихъ гнилую рану, и они отъ радости не знаютъ какъ и благодарить. Тяжелое удручающее впечатлѣнiе произвелъ на меня одинъ больной 10-лѣтнiй мальчикъ коряка, по имени Айгыхъ, который, упершись на руки, на колѣняхъ съ опущеннымъ внизъ лицомъ только и находилъ себѣ облегченiе въ такой позѣ. У этого бѣдняжки было 6 мучительныхъ ранъ: двѣ на тазу, двѣ на спинѣ и двѣ на якрахъ. Мать его корячка вычищала раны ножомъ косаремъ и вытирала мелкой сухой травой и, конечно, засоряла раны еще больше. Глубина язвъ настолько велика — что кисть моей руки съ тряпкой свободно туда входила. Подойти къ этому несчастному мальчику нельзя было иначе какъ завязавъ носъ и ротъ, слишкомъ ужъ тяжелъ былъ запахъ. Въ этой юртѣ я прожилъ три дня. Весной я получилъ извѣстiе, что бѣдный страдалецъ умеръ, слава Богу, его мученiя кончились, многолюдная юрта эта оказалась теперь въ большой безопасности. А ранѣе они могли заразиться, т. к. мать, братья и сестры этого Айгыха спали подъ однимъ пологомъ. Съ нынѣшняго года участь больныхъ инородцевъ Камчатки начинаетъ становиться лучше въ смыслѣ оказанiя имъ помощи, т. к. въ Гижигинскомъ и въ Петропавловскомъ уѣздѣ проживаютъ сестры милосердiя и оказываютъ инородцамъ и вообще жителямъ Камчатки громадную помощь, что свидѣлствуютъ сами инородцы и камчадалы. Правда, и ранѣе здѣсь, какъ и теперь, имѣются фельдшера изъ солдатъ, но они никогда не оказываютъ помощи инородцамъ (исключая оффиціальныхъ приказанiй), т. к. поселившись въ русскомъ селенiи они скоро сживаются съ пагубной камчатской жизнью, спиваются, картежничаютъ, роднятся съ грязной безправственностью камчадаловъ и живутъ почти бездѣльно и безцѣльно, не имѣя надъ собою начальства, а инородцы

болѣютъ, страдаютъ и глѣзутъ безъ медицинской помощи. Жаль тѣхъ и другихъ: одни погибаютъ безсознательно, а другіе сознательно. Сестры же милосердія несутъ самоотверженный тяжелый трудъ. Ихъ всего на Камчаткѣ три: одна въ Петропавловской колоніи прокаженныхъ, гдѣ мнѣ пришлось быть нянькинымъ лѣтомъ и самому видѣть, какъ самоотверженно трудится въ колоніи сестра милосердія, отдавшия всецѣло заботамъ объ облегченіи печальной участи несчастныхъ прокаженныхъ. Зимой ихъ было 12 человекъ, но одинъ изъ нихъ уже 6 лѣтъ какъ не имѣлъ слѣдовъ бывшей на немъ ранѣ проказы и, по свидѣтельству врача,⁷ былъ выпущенъ изъ колоніи, а 5 человекъ умерли въ страшныхъ страданіяхъ. Въ настоящее время осталось 6 прокаженныхъ: одна старушка, одна дѣвушка и одна дѣвочка — затѣмъ трое мужчинъ, изъ коихъ одинъ мальчикъ. Лѣтомъ прокаженные чувствуютъ себя сравнительно легко и, подчасъ не признаютъ себя больными. Проказа въ лѣтнее время имѣетъ пятнистую форму, а зимою несчастные больные страдаютъ тяжело и мучаются; тогда все тѣло ихъ покрывается проказными язвами, струпами, губы опухаютъ, голосъ хрипнетъ и глаза слезятся. Сестра М-я, — какъ родная любящая мать, самоотверженно ухаживаетъ за прокаженными и принимаетъ всѣ мѣры чтобы облегчить ихъ страданія. Заботится объ ихъ чистотѣ, обмываетъ и перевязываетъ ихъ зловонные струпы и язвы заводитъ имъ чистое бѣлье, постель, одежду, пищу и всячески старается развлекать ихъ и разгонять ихъ душевную скорбь и тоску.

Ранѣе до пріѣзда сестры М. прокаженные были въ полномъ забросѣ не имѣли ни одежды, ни постелей, ходили въ тряпѣ спали на голомъ полу или на своихъ лохмотьяхъ, голодали и, по рассказамъ, даже бѣгали ночью въ Петропавловскъ воровать пищу. Фельдшеръ, приставленный къ прокаженнымъ, страдалъ запоемъ и на продолжительное время (мѣсяца на два) оставлялъ ихъ на произволъ судьбы и т. д.

Въ настоящее время въ колоніи прокаженныхъ имѣется не мало нуждъ серьезныхъ и сестра М. печалится, что она не имѣетъ возможности ихъ скоро осуществить, тѣмъ болѣе, что не находится такихъ людей, которые бы всецѣло сочувствовали этому святому добродѣлу — уходу и заботамъ о мученикахъ прокаженныхъ, а печальнѣе и обиднѣе того, что самоотверженность и безкорыстный подвигъ сестры милосердія не только не цѣнится, но даже попирается. Истинно слово Божіе: «будете ненавидимы всѣми имени Моего ради». Другая сестра милосердія при больницѣ и третья въ Гижигинскомъ уѣздѣ разъѣзжаетъ по инородческимъ стойбищамъ и оказываетъ имъ помощь. Послѣдняя, врачуя недуги страждущихъ инородцевъ, оказываетъ большую заботу и о душахъ этихъ дѣтей природы. Она знакомится съ ихъ языкомъ и ведетъ съ ними религіозныя бесѣды, будучи сама всегда благоговѣнно и христіански настроена. Обо всемъ этомъ мнѣ съ восторгомъ и умиленіемъ рассказывали инородцы сами, и тунгусы, и коряки. Да и какъ имъ не дивиться, не радоваться и не дорожить такимъ человѣкомъ, который, какъ мать родная, оказываетъ свои заботы и попеченіе! А что всего для нихъ удивительнѣе, такъ это то, что вдругъ женщина ѣздитъ по юртамъ и дѣлать и моетъ ихъ грязныхъ. Всѣ инородцы ее называютъ «сестрой» и относятся къ ней съ большою любовью и довѣріемъ; въ Гижигѣ необходимо должно устроить больницу для инородцевъ — это будетъ великое и доброе дѣло. Тогда бы скорѣе можно было спасти инородцевъ отъ вымиранія, а сейчасъ, благодаря тому, что инородцы совершенно заброшены и забыты, несомнѣнно они отъ беспомощности и отъ пагубной жизни вымираютъ. Рѣдкую юрту встрѣтишь, въ которой бы не было нѣскольکو гнилостно больныхъ. На смерть коряки смотрятъ какъ на неизбежное переселеніе души въ иную жизнь. куда переселились уже всѣ ихъ предки подѣ вѣч-

ное покровительство «кала-ангангъ» (чернаго бога). Трупы умершихъ коряки одѣваютъ въ бѣлую мѣховую смертную одежду, кладутъ покойнику разныя орудія его занятій при жизни, сверхъ покойника кладутъ большой бубень и на немъ играютъ, сутки и болѣе въ карты, по окончаніи азартной игры на трупѣ, вытаскиваютъ послѣдній изъ юрты черезъ входную трубу, привязываютъ за шею ремнемъ, кладутъ на наргу и везутъ его на собакахъ или на оленяхъ къ разложенному костру, гдѣ сжигаютъ трупъ. Изъ уваженія къ умершему и не желая разгнѣвать «кала-ангангъ» всѣ сопровождавшіе трупъ должны присутствовать при сожженіи до окончанія, т. е. до обращенія трупа въ пепель, смирясь съ непогодой: морозомъ и проч. Послѣ сожженія трупа начинается праздникъ, игры и угощеніе.

Геромонахъ *Несторъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Хроника епархіальной жизни.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Евсевій 25 декабря въ праздникъ Рождества Христова совершилъ въ Каѳедральномъ Соборѣ литургію и положенный молебень съ провозглашеніемъ обычныхъ многолѣтій и вѣчной памяти Императору Александру I-му. Рукоположенъ во діакона учитель Леонтій Дулинъ.

27 декабря, въ недѣлю по Р. Х., Его Высокопреосвященство служилъ литургію въ своей домовой церкви, на Сѣданкѣ.

Наканунъ Новаго Года и въ Новый Годъ Архипастырь служилъ въ Каѳедральномъ Соборѣ. Г'сеночное бдѣніе началось въ 9 ч. вечера. Передъ Новогод-

нимъ молебномъ, въ 12 ч. ночи Владыка произнесъ слово на тему о новогоднихъ пожеланіяхъ. Днемъ, послѣ литургіи отслуженъ молебенъ Св. Расилію Великому съ добавленіями по книжкѣ молебныхъ пѣній и съ произнесеніемъ многолѣтій. Рукоположенъ во диакона псаломщикъ Черниговской церкви Іоаннъ Сурминскій. Передъ литургіей присоединенъ къ православію изъ магометанства съ нареченіемъ имени Алексавдра запасный солдатъ Ситтиковъ.

3-го января Владыка служилъ тамъ же. По окончаніи молебна Архипастыръ обратился съ краткимъ напутственнымъ словомъ къ отъѣзжавшему въ С. Петербургъ къ мѣсту новаго служенія Военному-Губернатору Приморской области г.-л. В. Е. Флугу. Въ своемъ словѣ Владыка отмѣтилъ внимательное и заботливое отношеніе В. Е. къ нуждамъ церковнымъ въ краѣ, [въ-частности прекращеніе, по его настоянію, постройки китайской кумирни вблизи Покровской церкви, посѣщеніе церквей и квартиръ священниковъ при объѣздѣ области, отмѣтилъ также частое посѣщеніе имъ богослуженія помимо высокаторжественныхъ дней и т. д. и въ заключеніе благословилъ его иконой Спасителя. Затѣмъ Владыкой соборнѣ былъ отслуженъ напутственный молебенъ.

6-го января, въ праздникъ Крещенія Господня Его Выссокопреосвященство служилъ литургію въ соборѣ. Послѣ литургіи совершенъ крестный ходъ на бухту для освященія воды.

Золотая свадьба.

25 ноября. По селу необычайное движеніе. На саняхъ, телѣгахъ и на арбахъ ѣдутъ корейцы, корейки съ

ребятишками, старики. Вереницами двигаются мужчины въ бѣлыхъ халатахъ. Женщины съ корзинами на головѣ, съ ребятами за руки и „опти“ въ яркихъ цвѣтовъ шелковыхъ платьяхъ европейскаго и азіатскаго покроевъ тянутся большими толпами. Въ школѣ ребятъ мало. Въ тамъ, гдѣ готовится что-то необычайное.

Степнѣло. Морозъ усиливается. Непрерывно, гуськомъ, нѣкоторые въ припрыжку, все населеніе идетъ туда же. Мелькаютъ больше незнакомыя лица. Иду и я. Громадный корейскій дворъ обращенъ въ театръ, легкая постройка крыта циновками и застекленными рамами. Образовался зрительный залъ тысячи на двѣ человекъ. Оркестръ военной музыки 5 В. С. с. полка что-то играетъ, разобрать совершенно нельзя въ этомъ роѣ человѣческихъ голосовъ. Взоры всѣхъ устремлены на экранъ, гдѣ виднѣются два пѣтуха и какая то французская надпись. Плязюопъ! Въ корейскомъ селѣ! Вотъ и картины. Восторгу зрителей нѣтъ конца. Представленіе кончается. Мелюзга, женщины и молодежь расходятся, дѣлясь впечатлѣніями. Остаются одни старики. Виновникъ торжества Андрей Квоннери Мунъ, старецъ 78 лѣтъ, у астрады, отдѣланной въ китайскомъ вкусѣ, проситъ вниманія къ своему слову.

Полковникъ В. П. К. любезно переводитъ мнѣ его рѣчь. «Помните-ли, братья, какъ мы пришли съ вами въ Посеть, оборванные, голодные, какъ тамъ русскіе начальники привяли насъ, накормили, какъ заботились о насъ?

Сорокъ лѣтъ мы живемъ на этомъ мѣстѣ, доживаемъ свою старость въ довольствѣ. Одно обидно, что мы, какъ проклятые, не могли доказать свою благодарность Императору, умереть за Него и за отечество—русское.

Наконецъ-то Царь вспомнилъ объ насъ, набираетъ изъ насъ солдатъ. Я самъ-бы пошелъ, но куда мы годны только даромъ ѣсть хлѣбъ.

У меня одинъ сынъ и тотъ вышелъ изъ лѣтъ. На проводы первыхъ корейскихъ солдатъ я даю 200 рублей. Пусть каждый кореецъ, кому придется провожать своего сына на военную службу, разставаясь, радуется, а не печалится. Послѣ Бога только нашему Русскому Государю мы обязаны всѣмъ. Правду ли я говорю?» Всѣ одобрили импровизацію оратора. — «Нѣтъ я праздную свою золотую свадьбу (61 годъ въ бракѣ), я старъ, жить мнѣ недолго; хочется видѣть вмѣстѣ всѣхъ своихъ сверстниковъ, угостить и молодежь, напомнить ей, что только здѣсь, на новомъ мѣстѣ, увидѣли мы свѣтъ и лучшую долю».

Я никогда не забуду этого простого слова: старикъ не рисовался, а говорилъ отъ сердца.

Назавтра торжественный благодарственный молебенъ, послѣ котораго я въ краткихъ словахъ одобрилъ старика за его хорошій для остальныхъ примѣръ—благодарить Бога въ торжественный день своей жизни; пожелалъ ему безмятежно проводить старость, а остальнымъ чаще обращаться съ молитвой къ Господу Богу.

На торжество собрались жители всѣхъ окрестныхъ корейскихъ селеній; объѣдающихъ было до 2500 человекъ, не считая ребятъ.

Объединенная громадная корейская семья и насъ миссіонеровъ не вычеркнула изъ своей среды: о.о. Литвинцевъ и Рязановскій были очень любезно приглашены. Смѣло можно утверждать, что крики объ отдѣленіи пастырей отъ паствы и что вліяніе духовенства отжило свой вѣкъ, — преждевременны и неосновательны.

Мы съ паствой и паства съ нами!

Свящ. П. Богородицкій.

Какъ ѣздить священники по приходу въ Камчаткѣ.

(Продолженіе).

Обогрѣвшись и подкрѣпившись чаемъ, камчадалы покормили собачекъ той же юколой, только низшаго сорта — и мы тронулись въ путь. Дорога теперь пошла по голой (гористой) тундрѣ: были отлогіе подъемы и спуски, пришлось намъ переѣзжать нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. Снѣгъ мѣстами былъ такъ глубокъ, что съ трудомъ приходилось двигаться. Ѣхать страшно надоѣдало. Часа въ 3½ дня мы въѣхали въ довольно густой березникъ и стали подниматься на большую, но отлогую гору, на которой, по рассказамъ каюра, находится юрта, и до которой мы такъ стремились засвѣтло понасть. Собачки сильно устали и даже съ помощью каюра едва тащили нарты. Поднимались болѣе часа. Поднявшись, недалеко увидѣли юрту, въ окружности которой находился хорошій березовый лѣсъ. Собаки, предчувствуя скорый отдыхъ, веселѣе потянули впередъ. Подѣзжая къ юртѣ, мы все свое вниманіе обратили на большого глухаря, сидѣвшаго на суку березы, и незамѣтно подѣзжали къ юртѣ. У камчадала, везшаго ящики съ ризницей, оказалось ружье, изъ котораго онъ и выстрѣлилъ, но попалъ не въ глухаря, а въ стволъ дерева: глухарь же оставался на мѣстѣ. Вотъ до чего онъ былъ глухъ! 2-мъ выстрѣломъ камчадалъ убилъ глухаря. Красивая птица!

Тѣмъ временемъ я вылѣзъ изъ повозки и побрелъ въ юрту. Взорамъ моимъ представилось слѣдующее: юрта эта представляла изъ себя небольшой бревенчатый срубъ, покрытый деревянной четырехскатной крышей, на которой находились трава и мохъ, покрытые снѣгомъ.

Я сначала думалъ, что въ этой юртѣ находится какая ни есть печка, но вошедши въ нее, я разочаровался: она оказалась совершенно холодной, грязной и негостеприимной...

По серединѣ закоптѣлой отъ сажи крыши — отверстіе, служащее для выхода дыма изъ очага, на которомъ разводять огонь и который устроенъ въ центрѣ юрты въ прямомъ вертикальномъ направленіи противъ отверстія.

Пола нѣтъ. Земля, щепки, кости, куски отъ юколы и всякій мусоръ замѣняютъ полъ. По стѣнамъ юрты устроены лавки, на одну изъ которыхъ я и съѣлъ и, прижавшись къ стѣнѣ, дрожалъ отъ холода. Настроеніе мое было пониженное. Желудокъ тоже давалъ себя чувствовать. Камчадалы тѣмъ временемъ, натаскавъ дровъ, развели огонь на очагѣ, надъ которымъ, при помощи кольевъ, укрѣпили палку и на эту палку (поперечную) подвѣсили чайники и котель.

Огонь скоро разгорѣлся и освѣтилъ черный потолокъ юрты и висѣвшій на стѣнѣ мѣдный крестъ съ прикрѣпленной предъ нимъ восковой свѣчкой (кто-то видимо изъ проѣзжающихъ позаботился). Я перекрестился. Стало теплѣе и на душѣ веселѣе, но опять бѣда была въ томъ, что дымъ отъ огня, расходясь по юртѣ, сильно разъѣдалъ глаза; смотрѣть иногда совершенно было невозможно: слезы текли ручьемъ, глазамъ становилось больно, даже дышать и то было трудно. Какую большую привычку пужно къ этому ѣдкому дыму! Неудивительно, да и вполне понятно, почему многіе изъ жителей Камчатки страдаютъ глазами болѣзнями. Я по временамъ абсолютно не выдерживалъ этого дыму и выбѣгалъ на чистый воздухъ, чтобы освѣжиться; но такъ какъ на дворѣ было холодно, то поневолѣ приходилось обратно лѣзть въ юрту и быть довольнымъ тѣмъ, что хоть имѣешь пріютъ и не находишься подъ открытымъ небомъ. Вскорѣ вскипѣли чайники. Заложивъ кирпичнаго чаю, мы подѣлились съ камчадалами мясомъ, хлѣбомъ, сахаромъ и стали чаевать. Одной рукой чай пьешь, другой — глаза трешь. Послѣ чаепитья, псаломщикъ, искусный въ такихъ походахъ и страдающій отъ нихъ, катарромъ желудка, захватилъ съ со-

бой оленьяго мяса и сталь варить супъ. Глядя на камчадалъ, мнѣ почему то становилось ихъ жалко: они, казалось, были такими безотвѣтными, словно дѣти. чужды всего подлаго, худого, и были довольны своею бѣдною жизнью, своимъ положеніемъ.

У меня напалась стеариновая свѣчка, я ее зажечь и у насъ стало совѣтъ свѣтло. Камчадалы стали перекидываться словечками и разговаривали все больше про промыселъ. Временами они умолкали; костеръ погасалъ, и становилось скучно, безотрадно, скучно: когда же костеръ снова разгорался, то и лица становились веселѣе и разговоръ—оживленнѣе.

Чтобы скоротать времячко, я предложилъ камчадаламъ прочитать что-нибудь: они охотно согласились. Забравшись подальше отъ дыма въ уголь, я прочиталъ имъ рассказъ про бѣдную жизнь одного Ивана Ивановича изъ книжки-библіотеки «Трезвой жизни». Они внимательно слушали и, подкидывая сухіе сучья въ костеръ, были видимо очень довольны. Кончилось чтеніе, и ужинъ былъ готовъ. Я и неаломничекъ стали кушать супъ, сваренный изъ оленя, а камчадалы—юколу съ свѣжымъ перничьимъ жиромъ. Во время ужина камчадалы оживленно вели разговоръ о прочитанномъ, жалѣя Ив. Ив. какъ онъ, во время остановившись, чуть было не погнѣбъ съ водки. Поужинавъ, мы стали собираться спать. Камчадалы поразвѣснли свою мокрую одежду: торбаса, чажки, куклянки и проч. по стѣнамъ и на палку подъ очагомъ. Затѣмъ мы все помолились Богу; прихожане подошли ко мнѣ на благословеніе и, пожелавъ мнѣ покойной ночи, легли на лавкахъ и кругомъ очага, гдѣ кто могъ. Мы съ неаломничкомъ одѣли куклянки и легли на лавкахъ, натянувши на ноги кукули. Вскорѣ все предалось глубокому сну: камчадалы начали похрапывать—костеръ тоже сталь погасать.

Я спать совершенно не могъ и лежать, признаться,

не безъ содроганія. Много думъ гнѣздилось у меня въ головѣ: думать я про бѣдныхъ камчадалъ, ведущихъ такой бродячій образъ жизни, про трудную жизнь камчатскаго духовенства; припомнилось мнѣ почему-то и недавняя (тяжелая) смерть моеѣ дочурки, не перенесшей суроваго климата Камчатки, и теплое помѣщеніе, и эта непривлекательная юрта, похожая скорѣе на могильный склепъ, въ которой такъ было холодно и пахло сыростью, и вообще вся эта обстановка, въ которой мнѣ пришлось первый разъ находиться; все это (вмѣстѣ взятое) удручающе подействовало на меня, и я почувствовалъ себя очень плохо: мнѣ стало жутко и холодно, а тутъ еще нѣкоторые изъ камчадалъ стали во снѣ сильно галлюцинировать, чѣмъ еще больше наводили на меня страхъ и уныніе. Я зажегъ свѣчу и посмотрѣлъ на часы: была полночь. Я перекрестился, натянулъ на себя шапку и, отвернувшись къ стѣнѣ, кое-какъ заснулъ. Спалъ тревожно.

15 ноября. Въ 5 час. утра меня разбудили собаки, которыя, расположившись вокругъ юрты, странно выли. За мной проснулся неаломникъ, разбудили и камчадалъ. Я весь трясся отъ холода; у меня сильно болѣла голова и зноби ноги. Затѣмъ раздули огонь, и я кое-какъ отдрѣлся. Съ непривычки отъ такого ночлега въ холодномъ мѣстѣ у меня появилася насморкъ. Начало свѣтать, когда мы, напившись чаю, покинули столь негостепріимный пріютъ. Дорога пошла подъ гору. Миновавъ березникъ, мы поѣхали по большой готой тундрѣ, которой и конца не было видно. Храни Господь, если на ней застигнетъ пурга! Ѣхали безъ дороги. На одной изъ горъ этой обширной тундры мы встрѣтили три нарты: это ѣхали наши тигильскіе обыватели изъ Харьузовой. Какая радость! Камчадалы кричатъ: „здорово!“ собаки и тѣ были довольны; онѣ другъ дружку лизали, а нѣкоторые и дрались, выражая тѣмъ особенную радость. И въ самомъ дѣлѣ, какъ бываетъ пріятно встрѣтить въ подобныхъ путеше-

ствіяхъ живое существо! Встрѣтившіеся намъ путники изъ за пурги не могли добраться до юрты, а остановились почевать (предъ тундрой) въ березникѣ. — „Ну, теперь, батюшка, мы хорошо поѣдемъ“ — говорилъ мой каютицкѣ: „дорожку намъ сдѣлали!“ Дѣйствительно, собачки видя дорожку, побѣжали веселѣе. Да, думаю, это не Уссурийская трактовая или желѣзная дорога!..

Доѣхали мы, такимъ образомъ, до такъ наз. „Черной рѣчки“, на берегу которой и остановились чаевать. Было 12 час. дня. Я сильно прозябъ и, чувствуя себя плохо, сталъ покашливать. Господи, думаю, да гдѣ же это сел. «Утхолоба»? Однако мы и сегодня до него не доберемся, ужъ больно надоѣло ѣхать, да безъ теплаго помѣщенія и тѣло соскучилось. Меня старалнѣе успокоить, сказавъ, что Богъ дастъ по дорожкѣ къ вечеру доѣдемъ.

Напились мы кое-какъ чаю со снѣгомъ пополамъ и поѣхали дальше. Кругомъ было однообразіе: тундры, горы, березникъ, кедровникъ и ничего больше. Мѣстами собачкамъ бывало чтонибудь покажется и, тогда онѣ, сколько есть духу (откуда и сила возьмется), несутся впередъ, но уставши, вскорѣ успокаиваются, и мы опять плетемся шажкомъ. Наконецъ-то къ вечеру добрались мы и до «Утхолокского острожка», расположеннаго на правомъ берегу извилистой тундровой рѣки, того же имени. Подъемъ на гору былъ чрезвычайно крутъ. Утхолокскіе камчадалы, увидавъ насъ, побѣжали на рѣку и помогли намъ взобраться на берегъ. Въ Утхолокѣ также меня не ждали, какъ и въ Напанѣ, а потому и немало удивлялись моему внезапному пріѣзду. Причина все та же. Я остановился въ одномъ домикѣ, въ которомъ видны были слѣды только что окончившагося ремонта, послѣ котораго не успѣли даже вымести и прибрать, такъ что пыли было всюду вдоволь. Но разсуждать не приходилось, я былъ очень доволенъ и этимъ, хотя и грязнымъ, но теплымъ помѣщеніемъ. Вскорѣ явился сельскій староста. Я объяснилъ

ему, что тороплюсь ѣхать по вызову въ Харьузово къ больнымъ, а потому просилъ дать собакъ; на обратномъ же пути велѣлъ истопить и приготовить часовню для служенія. Онъ сталъ отклонять мою просьбу, что де-молъ на ночь неудобно ѣхать, дорога горнистая и много рѣчекъ съ кругыми берегами, но я настоялъ. Рѣшено было ѣхать. Пока запрягали собакъ, я ходилъ напутствовать одного больного (болѣвшаго по рассказамъ) сифилисомъ, и здѣсь-то въ первый разъ увидалъ сифилитиковъ; между прочимъ, одну дѣвочку т. е. правильнѣе выразиться, дѣвушку-уродъ, такъ какъ ей было 16 лѣтъ), не ходившую отъ рожденія—она только могла сидѣть и лежать; личико у ней было милое: она часто улыбалась. но въ этой улыбкѣ видна была только лишь одна невыразимая скорбь. Да, что и говорить, ужасныя послѣдствія бываютъ отъ этой болѣзни-сифилиса! И немного нужно для того, чтобы заразиться имъ: необходимо всегда быть осторожнымъ и внимательнымъ къ себѣ и имѣть для дезинфекціи сулему или карболку, не пить сырой воды и проч...

— Что изъ себя представляетъ Утхолока, я коснусь въ слѣдующій разъ, теперь же надо ѣхать,—скажу только что острожокъ этотъ, находясь недалеко отъ моря, славится своими постоянными пургами. Стало смеркаться, когда мы, согрѣвшись чаемъ, выѣхали въ слѣдующій острожокъ: «Ковранъ», отстоявшій отъ Утхолоки въ 45 верст

Священникъ **Иннокентій Быстровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отъ добра добра не ищутъ.

(Разсказъ).

II. П р о ш л о е.

(Продолженіе).

Степанъ Ивановичъ Аполлосовъ былъ сынъ причетника изъ села Зарѣчья, ...скаго уѣзда. Отецъ его умеръ,

доведя сына до III класса духовнаго училища. Сироту, разумеется, приняли на полное казенное содержаніе. Мать его, старушка, души не чаяла въ своемъ любимцѣ и думала нехлопотать сыну отцовское мѣсто; но какой-то дальній родственникъ разговѣтовалъ, и мальчикъ пошелъ учиться дальше; окончилъ училище, а въ семинаріи изъ года въ годъ исправно переходилъ въ слѣдующій классъ. Особенными способностями онъ не отличался; но благодаря скромности, прилежанію, а порою и форменной зубристикѣ, въ старшихъ классахъ началъ идти по первому разряду.

На лѣтнія каникулы Степа всегда прѣзжалъ въ Зарѣчье, и тутъ ему пришлось познакомиться съ семьей умершаго священника изъ села Ананьина, отстоящаго отъ Зарѣчья въ 15 верстахъ, по фамилиі Боголобовыми. Вдова магушка прѣзжала въ Зарѣчье къ родственнику— учителю, и забѣгала погостить къ Аполлосовымъ. Порою она брала съ собой и дочерей своихъ, изъ которыхъ старшая «чернушка Таня» училась въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, на казенномъ содержаніи.

Бойкая дѣвушка смѣло вступала въ разговоръ съ застѣнчивымъ семинаромъ, разспрашивала объ ученьи, учителяхъ; оживленно рассказывала смѣшныя анекдоты про своихъ подругъ, учителей и классныхъ дамъ, и такъ заинтересовала Степу, что онъ началъ и самъ охотно посѣщать Ананьино. Посѣщенія эти съ теченіемъ времени участились; но чѣмъ далѣе, тѣмъ становились они серьезнѣе.

Степа всякій разъ запасался изъ дому свѣжими журналами и новыми книгами. Подолгу велись оживленные споры о литературѣ, объ эмансипаціи, объ улучшеніи быта человѣчества. Затрагивали и философію, которой особенно любилъ похвалиться Ст. Ів. Прочли Кантову „Критику чистаго разума“, „Метафизику любви“, „О гени“, „О женщинахъ“ Шопенгауэра; прочли нѣсколько

книжекъ Спенсера, Смайльса; но изъ философіи Таня мало понимала, а Степа, понятно, не могъ объяснить. Какъ бы то ни было, но чтеніе принесло свою пользу: они дѣлились своими впечатлѣніями, взглядами и до того сблизились, что называли другъ друга на «ты» и не иначе, какъ „Степа“, „Таня“.

Словомъ, отношенія установились самыя дружескія, и матери ихъ не скрывали удовольствія видѣть своихъ дѣтей, по окончаніи обоими ученія, соединенными бракомъ.

Старушка Анолосова такъ привыкла къ Танѣ, и такъ полюбила ее, что иногда, въ забывчивости, называла „милой дочкой“. А матушкѣ Боголюбовой не нужно было другого зятя, кромѣ „такого умницы и тихони“; „онъ, говорила она, пригрѣетъ мою старость и другихъ дочекъ пособитъ опредѣлить въ училище“.

Наконецъ, и Степа и Таня перешли въ послѣдній классъ. Таня обладала отличнымъ контраalto, прекрасно пѣла, управляла хоромъ и занималась музыкой. Теперь, когда приходилось имъ бывать вмѣстѣ (на рождественскихъ и пасхальныхъ вакаціяхъ), то между ними происходили уже не прежніе отвлеченные споры, въ которыхъ первенствовали Степа; предметомъ бесѣды была музыка. Таня забрасывала его разными музыкальными терминами, называла многихъ композиторовъ, именъ которыхъ онъ не слыхивалъ; играла на фисгармоніи разныя пьесы; рисовала передъ нимъ картину будущей ея дѣятельности; какъ она поѣдетъ въ Петербургъ доканчивать музыкальное образованіе, поступитъ куда-либо на должность, наконецъ, поѣдетъ въ Италію; а можетъ быть поступитъ на сцену... и проч. и проч.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній Ананьина Степа предложилъ Танѣ—связать свою судьбу съ его, чѣмъ мечталъ о несбыточномъ.

— Мы другъ друга знаемъ хорошо, — добавилъ онъ, — и

я думаю, мы безпечально пройдемъ жизненный путь, если только не будемъ мѣнять своихъ взглядовъ.

Таня сказала, что она привязалась къ нему съ дѣтства, но что она не помышляла стать его спутницей, такъ-какъ въ духовенствѣ принято брать съ приданнымъ жену, а у нея такой пустякъ, о которомъ и говорить нечего а вдобавокъ придется съ собою мать, да двухъ сестеръ. „Я согласна быть вашей женой, добавила она — потому что привязалась къ вамъ, но подумайте: не будете ли жалѣть и раскаиваться послѣ, когда насъ застигнетъ врасплохъ бѣдность“.

Степа горячо началъ доказывать, что раскаиваться онъ не будетъ, что бѣдности онъ не испугается; вѣдь и теперь онъ не богатъ, а живетъ чѣмъ хуже товарищей? Въ приходѣ, хотя въ плохомъ, средствъ, при скромныхъ желаніяхъ, должно хватить...

Съ этой поры Степа и Таня считались женихомъ и невѣстою.

Старушки, сидя за самоварчикомъ, по цѣлымъ часамъ оживленно бесѣдовали о будущей совмѣстной жизни и радовались, что Богъ устрояетъ ихъ судьбу по ихъ желанію.

III. У о. ректора.

Передъ отъѣздомъ совсѣмъ изъ семинаріи, Аполло-совъ зашелъ къ о. ректору — поблагодарить за отеческое нравственное водительство и попросить благословенія на предстоящую жизнь.

„Дай Богъ вамъ всякаго счастья, сказалъ о. ректоръ, глядя на него поверхъ очковъ. „Будете счастливы, если будете вести себя, какъ въ семинаріи. Скромность мила и въ жизни. Способности у васъ хорошия. При стараніи можете сдѣлаться хорошимъ пастыремъ. Помощницу въ жизни берите по сердцу. Не плѣняйтесь богатствомъ, какъ теперь принято, а цѣните въ избранницѣ золотое сердце, да добрый нравъ. Съ такимъ приданнымъ будете счастли-

вы и при бѣдности, тяготы жизни будутъ легки, если раздѣлите ихъ съ нею пополамъ. Охъ, другъ, какъ тяжело отъывается на пастырскомъ дѣлѣ неурядица въ домѣ! Избави васъ Богъ отъ ней!“

— Я, о. ректоръ, намѣтилъ ужъ себѣ невѣсту, и именно такую, о которой вы говорите.

— Уже?

— Да. Въ нынѣшнемъ году окончила курсъ сирота Боголюбова.

— О, это дѣвица даровитая: я наслышанъ о ней отъ начальницы. Она окончила первой. Если пойдетъ характеромъ въ покойнаго о. Петра—(я хорошо зналъ его: товарищами когда-то были по семинаріи),—то это сокровище будетъ для васъ...

Даѣ Богъ, даѣ Богъ!..

Но только молю васъ, г. Аполлосовъ, ради Господа Бога, не заглядывайте въ чарку. Это такое зло, съ которымъ нужно бороться энергично. Этотъ порокъ страшно пошатнулъ престижъ духовенства. Молодому поколѣнію легче бороться. О мѣстѣ не заботьтесь: Владыко о васъ хорошаго мнѣнія, да онъ мнѣ что—то и говорилъ про васъ; ну, сами послѣ узнаете...

Помните латинскую поговорку: *Suae quique fortunae faber est*. Даѣ Богъ, даѣ Богъ“... заключилъ о. ректоръ, благословилъ Аполлосова, крѣпко обнялъ, расцѣловалъ и проводилъ его до корридора.

Свящ. А. Покровскій.

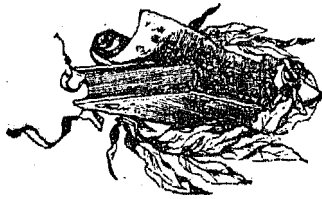
(Продолженіе слѣдуетъ).

Содержаніе № 2-го.

Часть официальная. 1. Извѣстия и распоряженія Епархіальнаго Начальства

Часть неофициальная. 1. Стиль вещей (перенечатка изъ газеты «В. В.»).
2. Стихотвореніе 3. Проводы новобранцевъ. 4. Изъ Камчатки. 5. Хроника епархіальной жизни. 6. Золотая свадьба. 7. Какъ бьдять священники по приходу въ Камчатку. 8. Отъ добра добра не ищуть (разсказъ).

Редакторъ, священникъ *Вл. Давыдовъ.*

Печатать разрѣшается. 1909 г. 7 января

Цензоръ, Каѳедральный Протоіерей *А. Мурзгасъ.*

Владивостокъ.

Электро-типо-литографія газеты «Дальній Востокъ».